Труды ЮНЦ РАН. Т. V. Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д., 2009; Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. Интернет-конференция. 2010. URL:// <http://www.newlocalhistory.com/content/bulygina-ta-stavropol-istoriya-povsednevnosti-i-novaya-lokalnaya-istoriya-issledovatel'skoe>

5. Акоева Н. Б. Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2012. С. 4

6. Шкуро А. Г. Записки белого партизана // Трагедия казачества: В 2 т. Т. 1; Свидин Н. Тайна казачьего офицера. Краснодар, 2002; Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001; Корсакова Н. А. Материалы по истории и культуре кубанского казачества в архиве историка казачьего зарубежья Ф. И. Елисеева // Казачество России: история и современность. Краснодар, 2002. С. 81–83 и др.

7. Дневник донского казака С. П. Полушкина. 1877–1878. СПб., 1880. С. 217–218.

8. Прийма И. Я. Мои воспоминания // Родная Кубань. 1999. № 1; Дневник донского казака С. П. Полушкина...

9. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. М., 2001. С. 40.

10. Губа М. В. Страницы моей жизни на память моим сыновьям // Родная Кубань. № 3. 1999. С. 83.

11. Недбаевский М. И. Поведу вам о старовыне... // Родная Кубань. 1998. № 4; Венеровский С. А. Воспоминания // Родная Кубань. 1999. № 4; Свидин И. Г. Спасибо за службу // Родная Кубань. 2005. № 3; Рой Н. Л. Мои подневольные скитания // Родная Кубань. 2008. № 2; Стратонов В. В. Раннее детство // Родная Кубань. 2005. № 4 и др.

12. Рынков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3.

13. Еремеев С. Земство и казачество // Русское богатство. 1880. № 11; Кузьмин П. Об условиях владения землями в Войске Донском // Русский Вестник. 1864. № 2; Х. Жизнь современного казачества // Новое слово. 1897, кн. 6, март и др.

N. B. AKOEVA. SOME PROBLEMS OF SOURCES IN THE RESEARCH OF COSSACK POPULATION DAILY LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX-TH – BEGINNING OF THE XX-TH CENTURIES

Different groups of the historical sources are considered in the article, allowing to let on daily life of cossacks.

Key words: *daily life, sources, memoirs, periodicals, reference documentation.*

С. Н. КТИТОРОВ

ГОРОДА КУБАНИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПРОЦЕССАХ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

В статье исследуется роль городов Кубани и Причерноморья конца XIX – начала XX в., в формировании конструктивных моделей межнационального сотрудничества. Раскрывается взаимосвязь процессов урбанизации региона и явлений этнической идентичности и интеграции.

Ключевые слова: *урбанизация, этническая идентичность, аккультурация, религиозный плюрализм, этно-профессиональная структура.*

Включение северокавказских земель в состав России, с одной стороны, активизировало процессы мирного сотрудничества между разными народами, интегрировавшимися в единую социально-экономическую систему, а с другой, – открыло перед ними широкие перспективы развития собственных культур. Подданным Российского государства не запрещалось сохранять и приумножать свои самобытные традиции и обычаи, хозяйственный уклад, язык и религию. Пожалуй, это обстоятельство, протекающее из в целом толерантного характера

русского человека, делало Россию привлекательной для представителей многих этносов, как коренных, так и переселенцев. Межнациональное добрососедство и стремление к единению – это одна из характерных особенностей нашего Отечества, такое свойство, которое известный ученый-кавказовед В. Б. Виноградов определил как универсальное явление «российскости» [1].

В составе Российской империи Кубанская область всегда выделялась своей полиэтничностью. В XIX в. из опорного края державы регион превращается в житницу государства. На кубанских

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Краснодарского края в рамках научного проекта № 14-11-23003.

просторах, среди плодородных полей и пастбищ, один за другим вырастают многолюдные города и села, хутора и станицы со своей самобытной культурой и укладом жизни. В составе населения области присутствовали и русские крестьяне – выходцы из центральных губерний, искавшие на юге страны лучшую долю, и кубанские казаки – защитники и опора государства, и представители местных горских народов, сохранявшие самобытную национальную культуру с яркими восточными традициями, и беженцы-переселенцы из Закавказья, нашедшие на гостеприимной Кубани спасение от религиозных притеснений, и немцы-колонисты, облагораживающие землю разумным хозяйствованием, а также – греки, поляки, евреи, болгары, чехи и многие другие.

В 1897 г. в империи была проведена первая всеобщая перепись населения, в ходе которой этническая принадлежность учитывалась по родному языку человека. Большинство жителей Кубанской области назвало родным языком русский (в том числе великорусский, малорусский и белорусский) – 1 737 908 чел., затем: черкесский – 38 488 чел., карачаевский – 26 877 чел., немецкий – 20 778 чел., греческий – 20 137 чел., кабардинский – 14 340 чел., армянский – 13 926 чел., абхазский – 12 481 чел., ногайский – 5880 чел., молдавский – 5370 чел., татарский – 3848 чел., польский – 2719 чел., турецкий – 2187 чел., осетинский – 1973 чел., еврейский – 1942 чел., цыганский – 1753 чел., мордовский – 1494 чел., чешский – 1213 чел. и многие другие. Всего же, по данным переписи 1897 г., в Кубанской области проживало 1 918 881 чел. [2]. Столь же разнообразным был и этнический состав жителей образованной в 1896 г. Черноморской губернии с административным центром в Новороссийске.

Важнейшей причиной формирования многонационального облика Кубани и Причерноморья явился мощный колонизационный приток переселенцев. Толчком к нему послужили: отмена в России крепостного права (1861 г.); окончание вооруженных действий по покорению Закубанья (1864 г.); массовый уход кубанских горцев мухаджиров в Османскую империю (1859–1864 гг.); разрешение иногородним лицам селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях (1868 г.); проведение первой в регионе Ростово-Владикавказской железной дороги (1875 г.); строительство Новороссийско-Сухумского шоссе (с 1891 г.); развитие рекреационной сферы на черноморском побережье (с конца XIX в.) и ряд других факторов.

Узлами миграционных процессов, точками притяжения и концентрации пришлого населения служили, прежде всего, города, превращавшиеся в этот период из преимущественно военно-административных центров в торгово-промышленные пункты, места развития образования и культуры, курорты. Именно сюда устремлялись массы переселенцев, поскольку города в силу присутствующей

им многофункциональности обладали обширной и сложной экономической структурой, позволявшей большинству жителей найти работу. Кроме возможности заработка и коммерческой деятельности приезжих привлекали удобства городской жизни, стремление приобщиться к достижениям культуры, получить соответствующее образование, участвовать в общественно-политических процессах, иметь насыщенный досуг.

Поскольку в миграционных потоках участвовали люди разных национальностей, в городах обычно формировался полиэтничный контингент жителей. Кроме русских, составлявших большинство городского населения региона, здесь возникают общины армян, немцев, греков, евреев, поляков, татар, грузин, чехов и др. Именно урбанизированная среда стала зоной разнообразных межэтнических контактов и взаимодействий, тем полем, на котором взращивались традиции добрососедства, рождались новые явления культурной интеграции.

В дореволюционный период в Кубанской области имелось всего 6 городов. Крупнейшим населенным пунктом и административным центром области являлся Екатеринодар. Другими городскими центрами были: Анапа, Ейск, Майкоп, Темрюк и Армавир.

Вплоть до конца 1860-х гг. в большинстве городов Кубани преобладало этнически однородное восточнославянское казачье и военное население. Исключением являлся только Ейск, изначально заложенный в качестве портового и торгового города, привлекавшего представителей разных народов. Только в пореформенный период этнический состав жителей городов региона резко усложняется.

Спецификой дореволюционной России являлось существование крупных торгово-промышленных поселений, насчитывавших десятки тысяч жителей и имевших сложившуюся урбанизированную среду, но не обладавших юридическим статусом города. Эти пункты известный русский географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский причислял к так называемым «истинным городам» [3]. Подобные поселения в конце XIX – начале XX в. быстро росли и на Кубани. Фактические функции и признаки города приобрели станица Лабинская, хутор Романовский (ныне г. Кропоткин) и особенно селение Армавир (преобразовано в город в 1914 г.). В этих пунктах также сформировался пестрый полиэтничный контингент жителей. Другие селения Кубани в этническом отношении были очень однородными.

К моменту образования в 1896 г. Черноморской губернии единственным городом здесь фактически являлся только Новороссийск. К числу городских поселений в Причерноморье относились также посадки Сочи и Туапсе, в которых в 1898 г. вводится упрощенное общественное управление. Постепенно сеть городов расширяется. В 1899 г. на

месте греческого селения был образован город Романовск (ныне поселок Красная Поляна), а в 1901 г. к югу от Сочи начинается заселение нового города Хоста. Накануне Первой мировой войны расположенный на Черноморском побережье, между Адлером и Гаграми, Муравьевский поселок был преобразован в город Ермоловск. В 1915 г. статус города получило селение Геленджик.

Спецификой Черноморской губернии была большая, чем на Кубани неоднородность населения, причем не только в городах, но и в сельской местности. После переселения большинства причерноморских адыгов, убыхов и южных абазин в Турцию на опустевших землях в 1860-е гг. стали размещать кубанских казаков и отставных матросов Черноморского флота. Однако непривычный климат, сложный горный ландшафт и бездорожье препятствовали успешной колонизации прибрежной полосы. По этой же причине приток сюда русских крестьян-земледельцев также оказался весьма ограничен. Переселение на побережье казаков производилось принудительным способом. «Не стану описывать, – говорил впоследствии один из начальников Черноморского округа, – тех ужасных сцен, которые происходили при насильственном водворении новых поселенцев в указанных им местах». Не сумев совладать с незнакомой природой, казаки Шапсугского берегового батальона несколько лет жили за счет казенных пайков [4].

Созданная в Тифлисе особая комиссия в 1867 г. пришла к выводу, что для колонизации региона лучше подойдут «греческие и армянские выходцы из Турции, немцы из южной нагорной Германии, и, наконец, христианские племена нагорной Имеретии, Гурии, Рачи и Лечгума». В итоге в регионе формируется очень пестрое население. Рядом с русскими и адыгами на побережье обосновались армяне, греки, грузины, турки, чехи, немцы, эстонцы и др. Все эти обстоятельства наложили зримый отпечаток и на специфику состава населения городов «Кавказской Ривьеры».

Этнические группы населения городов Кубани и Причерноморья имели разную степень организации. В качестве объединяющих факторов могли выступать: корпоративная профессиональная ориентация, территория компактного проживания, национальные учебные заведения, политические группы и партии, просветительские и благотворительные общества, собственные органы внутреннего самоуправления и т. п. Однако важнейшим условием сохранения национальной идентичности в дореволюционный период являлась религия. На Северо-Западном Кавказе, как и во всей Российской империи, представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд.

Этническая неоднородность населения стала главным фактором формирования поликонфессионального многообразия культурной среды городов региона.

Поскольку основную массу горожан Кубани и Причерноморья составляли глубоко религиозные русские люди, то здесь повсеместно сооружались православные церкви и часовни. Как правило, главный соборный храм возвышался на центральной площади города рядом с важнейшими учреждениями, торговыми рядами или рынком. Самые величественные православные храмы региона располагались в Екатеринодаре: войсковой Александро-Невский собор (освящен в 1872 г.) и крупнейший на Кубани Екатерининский собор (освящен в 1914 г.). Огромный Михаило-Архангельский собор был возведен в 1865 г. в Ейске. Строились церкви «всем миром», на средства, собираемые простыми горожанами и пожертвованные богатыми благотворителями.

Помимо главного собора, жители отдельных районов города старались воздвигнуть собственную капитальную церковь, собирая для этого деньги обычно на протяжении многих лет. Свою лепту в строительство храма стремился внести каждый, так как в этом видели залог спасения своей души. Для отпевания умерших и совершения поминальных служб храмы возводились также на главных кладбищах. Кроме общедоступных приходских церквей, в городах имелись и небольшие «домовые» церкви, действовавшие в помещениях учебных заведений, приютов, больниц, тюрем и других учреждений.

Количество храмов зависело, прежде всего, от размеров города. Так, в 1910 г. в столице Кубанской области Екатеринодаре действовали 18 православных храмов, в том числе 1 собор и 5 домовых церквей. В Ейске в это же время имелось 9 церквей, а в Майкопе – 6. В дореволюционном Новороссийске было 5 православных храмов. Столько же их находилось и в Армавире [5].

Церковь оказывала огромное влияние на души и умы своих прихожан. Православное вероучение воспитывало в людях чувства милосердия и сострадания, призывало к помощи нуждающимся. Святые евангельские заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» жили в сердце каждого искренне верующего человека. В значительной степени именно эти постулаты определяли уважительный и доброжелательный характер в отношении русских жителей Кубани к людям иной этнической принадлежности.

В тех городах, где формировались крупные общины армян, возводились армяно-григорианские храмы. В начале XX в. больше всего таких культовых объектов находилось в Армавире (церкви Успенская; Святых Петра и Павла; старая Георгиевская и новая Георгиевская) [6]. В религиозной обрядности коренных жителей Армавира черкесо-гаев отражались их тесные культурные взаимосвязи с адыгами. Христианство черкесских армян было глубоко синкретичным, переплетаясь с адыгскими языческими традициями и

элементами ислама. Увидеть это можно было в храме, или непосредственно рядом с ним. Не желая отказываться от привычных горских традиций, коренные армавиры иногда пытались добиться у священников благословения на совершение кровной мести. Один из распространенных в Армавири обычаев «вызывания дождя» заключался в том, что во время засухи несколько пожилых черкесских армянков, накинув на себя железные надочажные цепи, трижды обходили церковь, поливая землю водой и обливая собравшихся зрителей [7]. Службы в храмах проводились на армянском языке, совершенно непонятном для подавляющего большинства черкесо-гаев. По этой причине, священники переводили тексты молитв и проповедей на черкесский, чтобы слова их были услышаны прихожанами. Армянские храмы также действовали в Екатеринодаре, Майкопе, Ейске и Новороссийске.

Трудами поляков-католиков, а в Причерноморье также и чехов, в некоторых городах возводились костелы. Так, 11 декабря 1894 г. в Екатеринодаре открылась каменная римско-католическая церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии. В начале XX в. духовным очагом поляков Майкопа был костел во имя Святого Антония де Падуа, а в Армавири – костел Ченстоховской иконы Божией Матери. В Новороссийске, где кроме поляков было много чехов, действовал католический храм во имя Святой Анны [8].

Горожане немцы, являвшиеся в большинстве своем выходцами из российских поволжских губерний и Прибалтики, придерживались протестантского вероучения. Ими были построены кирхи в Екатеринодаре, Ейске и Новороссийске, а в Армавири – лютеранский молитвенный дом. Особенно красивой и обширной была лютеранская кирха в Новороссийске, возведенная в 1908 г. по проекту именитого московского зодчего Оттонафон-Дессина. Сооруженный из дикого камня в строгих формах средневековой романской архитектуры с высоко возносившимся над колокольной остроконечной шпилем этот храм был хорошо виден из самых отдаленных уголков города, рождая живописный образ «маленькой Германии» на берегах Черного моря [9].

Вместе с христианами в городах Кубани и Причерноморья проживали мусульмане и иудеи. Несмотря на свою малочисленность, представители этих вероучений свято хранили свою духовную культуру и не испытывали притеснений в религиозной сфере. Не имея первоначально стационарных храмов, приверженцы Ислама свободно совершали богослужения в наемных помещениях или просто на открытом воздухе.

Например, 3 марта 1896 г. в день мусульманского праздника Орудж-Байрам в доме екатеринодарского купца Л. М. Трахова состоялось торжественное богослужение, на которое собрались «представители разных племен магометанских

вероисповеданий, состоящие на службе в Екатеринодаре, – более 300 человек, в том числе из Анапского резервного батальона 30 солдат, а также чины Кубанской горской постоянной милиции 50 человек в полной парадной форме, во главе с командиром сотни этой милиции». Впоследствии Л. М. Трахов выстроил в Екатеринодаре на территории своего имения небольшую двухэтажную мечеть, ставшую религиозным центром мусульман города [10].

В Новороссийске в конце XIX в. турки, работавшие на строительстве старого цементного завода, свои религиозные праздники отмечали в небольшом саду возле барачных, в которых проживали. За этим местом на многие десятилетия закрепилось название «Турецкий сад».

Большую часть мусульман Армавира составляли казанские татары, которые в 1910 г. построили здесь кирпичную соборную мечеть с 3-этажным минаретом. Местные мусульмане ощущали себя полноправными членами семьи народов России, отмечая в храме не только свои религиозные, но и общегосударственные праздники и даты. Так, накануне всероссийских торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, мулла мечети Г. К. Байгильдеев обратился к своим единоверцам с призывом: «Вообще, у нас принято молиться Богу за здоровье Государя Императора и Его Августейшее семейство. 21-го же февраля сего года исполняется трехсотлетие царствования в России дома Романовых, потому я, мулла армавирической соборной мечети, приглашаю всех мусульман, живущих и временно проживающих в Армавири, прийти 21-го февраля к 12 часам дня в мечеть вознести Богу молитву, за упокой Государей Императоров дома Романовых, заботившихся о распространении и укреплении нашего Отечества – России и о благоденствии благополучно царствующего Государя Императора... и всей Августейшей семьи и за спокойствие и процветание нашего Отечества – России. Каждый верноподданный мусульманин обязан откликнуться на это предложение» [11]. В дореволюционный период мечеть появилась также в Майкопе.

В Екатеринодаре и Новороссийске членами еврейской общины были построены капитальные синагоги. Иудейские молитвенные дома действовали в Майкопе и Темрюке [12].

Государственные и местные власти оказывали верующим различных конфессий действительную помощь в организации духовной жизни. Для возведения храмов городские управы безвозмездно отводили земельные участки, выделяли субсидии, содействовали в обеспечении строительными материалами. Особенно интенсивно сооружение православных и иноверческих храмов в городах Кубани и Причерноморья велось в начале XX в. Так, только в одном 1908 г. в Новороссийске были построены армяно-григорианская церковь, немецкая лютеранская кирха и еврейская синагога.

В этом же году здесь шло сооружение католического костела [13].

В издававшихся в Екатеринодаре Кубанских календарях подробно указывались как православные, так и праздники других конфессий. В такие дни верующие различных исповеданий поздравляли друг друга, желая своим друзьям и соседям благополучия и здоровья. Примечательно, что в Армавире в знак взаимного уважения во время православных и армяно-григорианских праздников местные армянские и русские торговцы, отставив интересы прибыли, одновременно закрывали свои магазины. Терпимое отношение к людям иной веры стало обычным явлением в городах региона.

Межэтническое согласие и приверженность к общему Отечеству проверялись на прочность в наиболее критические периоды истории государства. Одним из моментов, продемонстрировавших степень единства и солидарности народов региона стало начало Первой мировой войны в 1914 г. В это время представители почти всех национальных групп заявили о своей безоговорочной поддержке государства перед лицом внешней угрозы. В православных и армянских церквях, костелах и кирхах, мечетях и синагогах на разных языках верующие возносили молитвы о победе русского оружия и благополучии Российского государства [14].

На Кубани и в Причерноморье, как и в масштабах всей России, усилиями властей, несмотря на декларируемое главенство православия, фактически поддерживался и защищался религиозный плюрализм, обеспечивалась возможность развития всего многообразия национальных культур. Эта коренная особенность нашей державы сохранялась в веках и служила цементирующим фактором государственного единства.

Представители различных этнических групп вступали в интенсивное сотрудничество, прежде всего, в экономической сфере. Прибывавшие в города региона переселенцы, как правило, придерживались привычной профессиональной ориентации. В хозяйственную жизнь региона каждый народ приносил что-то свое, часто новое и специфическое. Естественно, что в результате взаимодействия многообразных хозяйственно-экономических традиций, в городах складывалась сложная этнопрофессиональная структура, в которой каждая этническая общность находила свою место. Занимая отдельные экономические, хозяйственные и культурные ниши и выполняя общественно значимые функции, представители разных народов, с одной стороны, наиболее эффективно реализовывали себя в привычных сферах деятельности, а с другой – существенно ограничивали возможности конфликта на базе столкновения взаимных интересов. Такая ситуация сглаживала возникающие противоречия и способствовала гармонизации отношений не только на межэтническом, но и на межличностном уровнях.

Составлявшие большинство городского населения русские были задействованы в самых

различных сферах, при этом они преобладали в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Большой вклад в развитие экономики Кубани и Причерноморья внесли владельцы мукомольных и маслобойных предприятий Галанины, Захаровы, Шехавцовы, Ходяковы, Дицманы, Ерошовы, Паласовы, Коваленко, Николенко и многие другие. Самую заметную роль русские предприниматели сыграли в становлении металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей. Среди хозяев таких заводов в регионе были известны имена промышленников Мисоужникова, Петрова, Мордовцева, Гурского, Сушкина и др.

Проживавшие в городах армяне традиционно занимались разнообразной торговлей. Богатейшими купцами, известными далеко за пределами Северного Кавказа, были: Тарасовы, Богарсуковы, Шоршоровы, Черачевы, Шах-Назаровы, Хачадуровы, Сеферовы, Давыдовы, Терзиевы и другие. Наибольшее значение деятельность этих предпринимательских фамилий приобрела в области мануфактурно-галантерейной торговли. Становление и развитие маслобойного производства Кубани, самого значительного по размерам в России, во многом было обязано усилиям переселившихся в регион из Персии армянских промышленников Аведовых, Бабаевых и Унановых.

Среди крупнейших экспортеров кубанского зерна важное место занимали греки. Из числа других в этой области особенно выделялись представители фамилии Спари. К числу самых больших мукомольных мельниц в регионе относились предприятия Асланиды и Александраки. Видными предпринимателями Екатеринодара были греки: Азвестопуло, Фотиади и Акритас [15].

Немцы занимались самыми различными видами коммерческой деятельности как в области промышленного производства и торговли, так и сельского хозяйства. Самой известной немецкой предпринимательской фамилией в масштабах всего северного Кавказа были представители рода баронов Штейнгелей. Инженер путей сообщения Рудольф Васильевич Штейнгель стал учредителем и директором акционерного общества, построившего в 1875 г. первую в регионе железную дорогу Ростов-Владикавказ. Вблизи от села Кубанского он же основал огромное многоотраслевое хозяйство – имение «Хуторок», считавшееся самым передовым на Кавказе и заслужившее громкую славу не только в России, но и за границей. Дело Р. В. Штейнгеля продолжили его многочисленные наследники, которым помимо «Хуторка» принадлежали винодельческое имение «Туишхо» возле Туапсе, крупные паровой маслобойный и кирпично-черепичный заводы в Екатеринодаре, ряд предприятий в Терской области. Огромный вклад в дело становления и развития в Новороссийске цементного производства внесли представители немецкого рода баронов Ливенов.

Очень разнообразной была хозяйственно-экономическая деятельность кубанских и

причерноморских чехов. В сельской местности они были выдающимися земледельцами. Высказывается даже мнение, что именно чехи первыми на Кавказе стали орошать поля и высаживать лесозащитные полосы. В Причерноморье несомненной заслугой чешских поселян являлось введение удобрений полей и использование легкого рудадловского плуга. Зачинателем виноградарства и виноделия в регионе считается чех Ф. И. Гейдук, исполнявший с 1867 г. должность агронома Черноморского округа. Именно он стоял у истоков завода шампанских вин «Абрау-Дюрсо». В городах же наибольшим авторитетом чехи пользовались в качестве опытных организаторов пивоваренного производства. Почти в каждом крупном населенном пункте среди имен владельцев заводов данной отрасли встречались чешские: М. Ф. Ирза в Екатеринодаре; И. И. Гржиба в Армавире; В. И. Товара в Майкопе; Б. Б. Вострый в Темрюке; А. Войтеховская и Р. Душанек в ст. Лабинской; Я. Б. Вострый и М. Ф. Ирза в Новоросийске [16].

Непревзойденными огородниками на Кубани считались болгары, которых здесь называли «учителями по огородным делам». Сладкий перец сегодня называется «болгарским», а раньше был также известен «болгарский лук» и «болгарский картофель». В ежегодных отчетах начальника Кубанской области в начале XX века неизменно констатировалось: «В промышленном развитии огородничества местное русское население мало принимает участия, так что эта отрасль хозяйства почти всецело лежит в руках болгар и молдаван» [17]. Заработанные на выращивании овощей средства болгары вкладывали и в другие сферы бизнеса. Так, в Екатеринодаре открылась большая консервная фабрика Ф. Градинарова и Д. Петкова; в Армавире – колбасные заводы С. И. Волева и И. П. Волканова.

Представители городских общин евреев были тесно связаны с медициной. Их было много среди врачей, дантистов и аптекарей. Распространенным занятием была посредническая торговля. Местные евреи часто выступали в роли скупщиков, агентов иногородних и зарубежных фирм, комиссионерами и коммивояжерами. В регионе были и крупные предприниматели евреи: Бейм, Коган (в Екатеринодаре); Аптекман, Патт (в Армавире); Юкелис, Бобович (в Новоросийске) и др. В столице Черноморской губернии евреи составляли самую многочисленную корпорацию местных портных: Альперт, Балан, Вейненсон, Белкинд, Беркович, Борсон, Годович, Яглин, Гольденцвейг, Мордухович, Пинхусович и др. В целом, евреи были более заметны в социально культурной сфере, нежели в торгово-промышленной [18].

Поляки, за редким исключением, также не играли серьезной роли в экономике городов региона, однако они составляли очень значительный пласт местной интеллигенции. Из среды этого народа

вышло много врачей, учителей, инженеров, нотариусов, служащих различных учреждений и т. д.

Поселявшиеся в городах Кубани поволжские татары скупали старые вещи и работали извозчиками. Грузины обычно торговали вином, содержали трактиры, духаны и шашлычные. Ассирийцы занимались уличной чисткой обуви, торговали «на разнос» мелочным товаром. Персы, как здесь называли иранско-подданных азербайджанцев, доставляли в бочках горожанам на дом воду, трудились грузчиками и чернорабочими. В Причерноморье, особенно в районе Сочи, проживало много турок, которые ловили и продавали рыбу, занимались разнообразным строительством.

Таким образом, в городах Кубани и Причерноморья любой человек, вне зависимости от своей этнической принадлежности, как правило, находил применение своим способностям, становясь полноправным и полезным членом местного общества.

Достаточно насыщенной была также культурная и общественная жизнь горожан региона. В многонациональной среде населения городов Кубани и Причерноморья разворачивались диалектически взаимосвязанные процессы интеграции и этнической консолидации.

С одной стороны, активное взаимодействие жителей друг с другом влекло за собой заимствование элементов культурного опыта и образцов поведения партнеров по общению. В городах представители различных этнических меньшинств быстро интегрировались не только в единое экономическое, но и культурное общероссийское пространство. Для успешной адаптации необходимо было учить русский язык. Знание его позволяло не только общаться с русскими, но и представителями других народов. Среди всех слоев населения распространяется европеизированный комплекс одежды, унифицированная покупная утварь, мебель и другие необходимые элементы быта. Вне зависимости от своего происхождения жители города часто совместно проводили свой досуг, наиболее массовыми и популярными формами которого в городах становятся кинематограф, театр, цирк, концерты, скетинг-ринк, развлечения в летних садах и т. п.

Для решения таких проблем местной жизни, как бедность, неграмотность, городскоенеблагоустройство и др., в конце XIX – начале XX в. создавались разнообразные неформальные объединения. Это были благотворительные, просветительские, профессиональные и другие общества. В крупнейших центрах Кубани и Причерноморья имелись десятки таких объединений. Так, в Екатеринодаре действовали два Общественных собрания, Областной комитет общества попечительства о тюрьмах, Екатеринодарское благотворительное общество, Кубанское общество вспомоществования учащимся, Кубанская община сестер милосердия, Кубанское Александро-Невское религиозное

братство, Попечительство о домах трудолюбия, Кубанский областной комитет попечительства о народной трезвости, Комитет попечения о бесприютных детях и др.; в Армавире – Общество попечения о детях, Общество пособия бедным, Общественное собрание, Первое общество любителей драматического искусства, Отделение уездного комитета попечительства о народной трезвости, Гимнастическое общество «Сокол, Общество взаимного вспоможения приказчиков, Отделение русского общества покровительства животным и др.; в Новороссийске – три Общественных собрания, Общество Кавказского Приморского курорта, Новороссийское общество взаимной помощи, Новороссийский женский клуб, Гимнастическое общество «Сокол», Новороссийское общество пособия бедным, Новороссийское общество содействия образованию и воспитанию юношества, Черноморское общество врачей, Новороссийское музыкально-драматическое общество и др. [19]. Большинство создававшихся в городах неформальных объединений по своему составу носили интернациональный характер, спланивая для решения проблем местной жизни людей различной национальности. Нужно отметить, что такие общества давали людям возможность не только самореализации, но и социализации.

Взаимодействие с людьми другой национальности, узнавание особенностей их культуры и ментальности рождало оппозицию «Мы – Они». Через знакомство с отличиями «Другого» человек лучше осознавал этнокультурную специфику родной для него группы, что создавало основу для внутриэтнической консолидации. Несмотря на тесные взаимосвязи разных слоев населения, процессы аккультурации и ассимиляции, в городах Кубани и Причерноморья представители этнических групп старались сохранять и транслировать потомкам собственные традиции и обычаи.

Как правило, при храмах различных конфессий в Екатеринодаре, Майкопе, Ейске, Армавире, Новороссийске открывались начальные училища (русские, армянские, немецкие, польские, греческие, татарские, еврейские), обучение в которых способствовало сохранению родного языка и этнического самосознания. Важно, что в этих школах, кроме родного языка, также изучался и русский, что создавало базу для успешного межнационального общения и интеграции в российское общество.

Одним из факторов культурной консолидации и сохранения этнической идентичности стало появление в городах в конце XIX – начале XX в. национальных общественных организаций (например: Черкесское благотворительное общество, Эллинское благотворительное общество, Армянское дамское благотворительное общество, Лютеранское дамское благотворительное общество, Римско-католическое общество пособия бедным, Украинское общество «Просвита» –

в Екатеринодаре; отделение Армянского благотворительного общества на Кавказе, Общество распространения грамотности среди грузин, Римско-католическое общество пособия бедным – в Армавире; Украинский литературно-музыкальный драматический кружок, Эллинское благотворительное общество, Армянское благотворительное общество, Общество пособия бедным евреям – в Новороссийске и др.) [20]. Данные объединения открывали и содержали национальные училища и библиотеки, устраивали благотворительные сборы в пользу нуждающихся соплеменников, осуществляли театральные постановки на родном языке, организовывали яркие праздники национальных культур (например, «Кавказские вечера») и многое другое. На культурно-массовые мероприятия национальных обществ приглашались все желающие, что создавало благоприятную почву для формирования у горожан чувств взаимной симпатии.

Культурная жизнь в городах Кубани и Причерноморья в целом отличалась полиэтничностью. Например, на театральных сценах с успехом проходили спектакли не только на русском, но и на украинском, армянском, грузинском, польском, греческом, черкесском и других языках. В городах устраивались национальные музыкальные «вечера», приобретающие характер массовых и шумных праздников, на которые стекалась самая разнообразная публика, движимая искренним интересом к искусству и традициям других народов. Все это создавало то особое поликультурное, диалогичное по своей сути пространство, на котором возвращались традиции межнационального добрососедства и сотрудничества.

Литература и источники

1. *Виноградов В. Б.* «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа: сб. Вып. 7. Армавир, 2002. С. 4–5.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905. С. 1, 60–63.
3. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб., 1910. С. 72–73, 162–163.
4. *Доброхотов В. П.* Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Репринтное воспроизведение. Краснодар, 2009. С. 51.
5. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 950–953; Екатеринодар-Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Краснодар, 1993. С. 320; 364; *Селиверстова Л.* Церкви г. Новороссийска. Середина XIX – начало XX вв. // Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. Исторические записки. Вып. 2.

Новороссийск, 1996. С. 155–165; *Ктиторов С. Н.* История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002. С. 198–199.

6. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван, 2009. С. 10–14.

7. *Щербина Ф. А.* История Армавира и церкво-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 130; Аракелян Г. С. Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 116.

8. Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. Б.м., б.г. С. 60–61.

9. *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 402; *Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф.* Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. Исторический справочник. Ч. 1. СПб., 2001. С. 50–53.

10. *Бардадым В. П.* Открытки на память. Краснодар, 2005. С. 149, 157.

11. Отклики Кавказа. Армавир, 1913. № 40.

12. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 950–953.

13. *Герасименко А.* История Новороссийска в открытках (конец XIX – начало XX века). Краснодар, 1998. С. 12, 17, 18.

14. *Ктиторов С. Н.* Солидарность народов России в переломные моменты истории: начало Первой мировой войны // Вопросы южнороссийской истории: Научный сборник. Вып. 12. Армавир-М., 2006. С. 82–86.

15. *Кочериди Ю. Д.* Греки в истории Кубани. Краснодар, 2011.

16. *Лукиши В.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-н/Д., 2010.

17. Отчет о состоянии Кубанской области за 1914 год // Кубанский сборник на 1916 год. Т. 21. Екатеринодар, 1916. Паг. 1. С. 181.

18. *Кирей Н.* Евреи Краснодарского края // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 2. Краснодар, 2000. С. 134–144.

19. Екатеринодар-Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 364–365; *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления... С. 459; *Оспищева Л. Е.* История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003. С. 218–226.

20. Там же.

S. N. KTIOROV. THE CITIES OF KUBAN AND BLACK SEA COAST IN PROCESSES OF INTERETHNIC COMMUNICATION AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

In article the role of the cities of Kuban and Black Sea Coast of the end of XIX – the beginning of the XX century, in formation of constructive models of international cooperation is investigated. The interrelation of processes of an urbanization of the region and the phenomena of ethnic identity and integration reveals.

Key words: urbanization, ethnic identity, acculturation, religious pluralism, ethnoprofessional structure.

Е. А. ИВАНОВА, В. А. МАСАЛОВ

СУДЬБА ПАМЯТНИКА В ЧЕСТЬ 200-ЛЕТИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В СТАНИЦЕ БЕССКОРБНОЙ

В статье описывается сооружение, разрушение и восстановление памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска в станице Бесскорбной.

Ключевые слова: казаки, монументальное искусство, Хоперский полк, юбилейный памятник.

Военно-исторические памятники и памятники, связанные с историей Кубанского казачьего войска, являются неотъемлемой частью культурного и исторического наследия. Сегодня они становятся не только символами исторической памяти, но и визитной карточкой региона. В их ряду мы выделяем памятники, посвященные 200-летию юбилею Кубанского казачьего войска, с размахом праздновавшемуся в 1896 году. Почему возникла именно эта дата? Ведь эта крупная воинская часть была образована в 1860 года путем объединения Черноморского казачьего войска, существовавшего под этим названием с конца XVIII века, и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска.

Первоначальная задумка войскового начальства заключалась в том, чтобы отметить 100-летний юбилей со времени переселения на Правобережную Кубань Черноморского казачьего войска, состоявшегося в 1792–1793 гг. К юбилею стали готовиться уже в 1891 году. Но военное министерство порекомендовало эту дату не отмечать, а праздновать юбилей войска, приняв за точку отсчета 1696 год, когда был образован Хоперский казачий полк, вошедший в состав Кубанского казачьего войска при его образовании. Видимо, военное министерство, бессознательно или сознательно удревняя историю войска и «пристегивая» ее к великому государственному и военному деятелю Российской